DOI: 10.17976/jpps/2015.02.06

КОРРУПЦИОННЫЕ РЫНКИ

В.М. Васильева, А.Н. Воробьев

ВАСИЛЬЕВА Варвара Михайловна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент департамента политической науки факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Для связи с автором: vvasileva@hse.ru; **ВОРОБЬЕВ Антон Николаевич, научный сотрудник Центра экономики транспорта Института экономики транспорта и транспортной политики НИУ ВШЭ.** Для связи с автором: avorobyev@hse.ru

Статья поступила в редакцию: 07.10.2014. Принята к печати: 22.12.2014

Аннотация. В статье предлагается новый подход к изучению проблемы коррупции и борьбы с ней на государственной службе. Утверждается, что эффективность борьбы с коррупцией зависит от прежде упущенного исследователями фактора – объема и характера коррупционного рынка, определяющего основные каналы коррупционного поведения, на контроль которых и направлено регулирование конфликта интересов на государственной службе. Неверное определение типа рынка ведет к заведомо неэффективному заимствованию даже самого передового зарубежного опыта борьбы с коррупцией. Так, если рынки покупателя поддаются этическому регулированию, то для рынков продавцов единственными эффективными механизмами являются реформы по снижению административных барьеров и внедрение жестких нормативных моделей (*compliance-based*) регулирования конфликта интересов. Тип коррупционного рынка определяется как соотношение трех измерений: качества институтов, охвата государственного регулирования и степени государственного регулирования. На базе созданной модели авторы выделяют и анализируют восемь типов коррупционных рынков, каждый из которых имеет свою динамику трансформации и, соответственно, возможности борьбы с коррупцией. Также в статье представлена концептуальная модель эволюции коррупционных рынков под действием внешних факторов, ключевыми из которых являются персонализация политического режима, реформы государственного управления в духе "нового государственного управления" (*NPM*), популизм и формирование государств-рантье, а также создание "государств всеобщего благоденствия".

Ключевые слова: коррупционный рынок, качество институтов, охват и степень регулирования, конфликт интересов, государственная служба, борьба с коррупцией, патронажные сети, рынок покупателя, рынок продавца, спрос и предложение коррупции, коррупционная сделка.

В современных исследованиях, посвященных изучению коррупции, можно выделить следующие направления[1]: социальные науки, экономика, бизнес и менеджмент, психология. При этом подавляющее большинство работ приходится на первые две группы (69,4% и 32,9% соответственно[2]). Внутри данных категорий выделяются ключевые функциональные группы исследований – страноведческие исследования [Political Corruption In Transition... 2002], сходства и системные проблемы коррупции [Rose-Ackerman 1999], изучение отдельных форм коррупп-

[1] Авторская позиция по данному вопросу сформировалась на основе анализа публикаций, проведенного с использованием реферативной базы *Scopus*. Анализ был проведен по всем типам публикаций, реферированных в базе с 1975 г. по сентябрь 2014 г. См. сайт системы "*Scopus*". URL: http://www.scopus.com (проверено 03.01.2015).

[2] Часть публикаций относится равно как к группе социальных наук, так и к экономике.

ции, экономических [Okada, Sovannroeun 2014] и институциональных эффектов коррупции, формальное моделирование. Анализ публикаций позволяет выявить тенденцию к сужению предметного поля исследования, что приводит к не всегда обоснованной фрагментации научного знания. Эта проблема, чьи корни лежат в отсутствии конвенционального определения феномена коррупции, ограничивает применимость результатов данных исследований. Поскольку парадигма исследования во многом задается исследовательским фокусом и методологией, работы носят инструментально-дескриптивный характер, целью авторов является выявление "лучших практик", применение которых должно стать эффективной мерой против разрастания коррупционных сетей.

Сегодня одним из наиболее актуальных и перспективных проблемных измерений является регулирование конфликта интересов государственных служащих как часть антикоррупционной политики государства. Однако обширный опыт современных административных реформ в развитых и развивающихся странах свидетельствует скорее об отсутствии универсальных эффективных практик борьбы с коррупцией и регулирования конфликта интересов на государственной службе.

В данной статье авторы предлагают принципиально новое концептуальное объяснение несостоятельности типизированных антикоррупционных решений, основанное на неоинституциональном подходе, концепции "*good enough governance*" и экономической типологии рынков. Коррупция нами понимается как явление, хотя и затрагивающее все сферы общественной жизни, но проявляющееся в первую очередь в сфере государственного управления и имеющее экономическую природу. Это обуславливает выделение следующих видов коррупции. Бытовая коррупция представляет собой несистематизированный набор коррупционных платежей, совершаемых гражданами и связанных с преодолением административных барьеров. Административная коррупция – нелегальные отношения между экономическим агентом (фирмой) и чиновником, позволяющие избирательно влиять на правоприменительные практики в отношении фирмы [Hellmann et al. 2000]. Политическая коррупция – перераспределение ресурсов с целью получения политической выгоды и возможности менять правила игры. Каждый из видов коррупции может проявляться нерегулярно, но в ситуации высокой неопределенности возникает четвертый, системный вид, объединяющий в себе предыдущие и подразумевающий наличие механизма самовоспроизводства.

Следует разделять коррупцию и коррупционное поведение. Во избежание дальнейшего приращения смыслов авторы предлагают использовать базовое определение коррупции. Коррупция – постоянно флуктуирующее явление, присущее государству на любом этапе его развития, выражающееся как в неправомерном извлечении выгоды акторами, обладающими административным ресурсом, так и в подкупе данных лиц; ведущее к увеличению непрозрачности и неопределенности принятия и реализации государственных решений, а также затрагивающее различные сферы общества и порождающее негативные экстерналии в долгосрочной перспективе. Коррупционное поведение – рациональный выбор сторонами коррупционной сделки между альтернативами заключения или незаключения коррупционного контракта, и наилучшими условиями последнего при имеющихся у сторон ресурсах.

Коррупционный актор стремится в первую очередь к максимизации собственной полезности, а во вторую – к страхованию себя от возможных рисков,

связанных с осуществлением коррупционной деятельности. Например, за счет использования наиболее безопасных механизмов или участия в коррупционных сетях. Отдельный игрок коррупционного рынка обречен на провал, так как риск быть пойманным и наказанным в случае жалобы "покупателя" или в случае проверки неоправданно высок [Kugler, Verdier, Zenou 2005].

Такое понимание коррупции позволяет отойти от ставшей почти классической для коррупционных исследований проблемы высокого уровня абстракции, когда любое действие, идущее вразрез с принятыми нормами права, "духом" закона или этическими нормами, объявляется коррупционным. Таким образом, мы можем избежать чрезмерно нормативного подхода к изучению коррупции, понимая под ней действия, воспринимаемые международным сообществом как коррупционные и попадающие в область "черной коррупции" [Heidenheimer 1989].

МОДЕЛИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ И РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Несмотря на доминирующий тренд к унификации антикоррупционного законодательства за счет ратификации странами базовых антикоррупционных конвенций: *UNCAC, OECD Anti-Bribery Convention,* – существует два направления регулирования конфликта интересов.

Первое может быть условно отнесено к "трудному пути", "*high road*"-регулированию (*integrity-based* модели). Регулирование конфликта интересов опирается на моральные установки самого государственного служащего, формируемые кодексами этики. Последние обычно носят рекомендательный характер, а их претворение в жизнь поддерживается децентрализованной инфраструктурой этических консультантов [Menzel 2012].

Данная модель нацелена на создание корпоративной культуры бюрократии, осуждающей коррупционные практики. В рамках этой модели самый популярный механизм – это набор практик "*naming&shaming*", в который входит публичная декларация интересов, доходов и расходов (так наз. *sunshine laws*), регулирование трудоустройства после увольнения с государственной службы, политической деятельности и служебных разоблачений с участием СМИ и гражданского общества (*whistleblowing*). Важно отметить, что конфигурация мер различается в зависимости от модели регулирования конфликта интересов в каждом государстве. Этическое регулирование в таких системах представлено кодексами этики или кодексами поведения[3]. Подход применяется вместе с реформами повышения прозрачности государственного управления, внедрением электронного правительства и вовлечением граждан в управление. Успешными примерами являются Австралия, Канада, Норвегия и США, неудачной попыткой – Италия.

Вторым подходом является "*low road*" регулирование (*compliance-based* модели), действующее по принципу "*If it's not illegal, it's ok*" [Rohr 1989: 63]. Регулирование осуществляется кодексом правил поведения и закрепляется нормативно-правовыми актами прямого действия. Ключевыми областями регулирования конфликта интересов являются найм родственников или патронаж; подарки; использование служебной информации в корыстных интересах. Модель имеет централизованную этическую инфраструктуру и со-

[3] Существуют три типа этических кодексов – в порядке усиления обязательности и детализированности регулирования: кодекс этики (*code of ethics*), кодекс поведения (*code of conduct*) и кодекс правил (*code of rules and regulations*) [Wart 2003].

провождается реформированием административных барьеров и процедур (так наз. *cut red tape*). Успешными примерами являются Сингапур, Южная Корея, Япония и Гонконг; неудачными или незавершенными – Китай и Казахстан.

Существует также ряд стран преимущественно континентальной модели, в которых конфликт интересов чиновников регулируется тактическими мерами "по остаточному принципу". В этих странах не наблюдается системной коррупции, и регулирование носит превентивный характер (например, ФРГ, Франция и Швейцария).

Наличие третьей модели регулирования конфликта интересов, примеры провального применения как *compliance-based*, так и *integrity-based* моделей демонстрируют наличие "упущенного фактора" в анализе эффективности антикоррупционных мер.

МОДЕЛЬ КОРРУПЦИОННОГО РЫНКА

"Упущенным фактором" является тип сложившегося коррупционного рынка, определяющий ключевые каналы коррупционного поведения. Регулирование конфликта интересов на государственной службе нацелено на контроль отдельных, типичных для данного рынка каналов.

Неверное восприятие типа рынка и влияющих на него факторов приводит к неэффективности адаптации и применения зарубежного опыта борьбы с коррупцией, изменению каналов коррупционного поведения и разрастанию коррупции.

Наличие экономической компоненты коррупционного поведения позволяет предположить, что в рамках государства одновременно заключаются множество или хотя бы несколько коррупционных контрактов, между разными группами интересов, гражданами и государственными служащими. Следовательно, в различных государствах существуют отличающиеся по объему и типу национальные коррупционные рынки.

В идеальном коррупционном рынке цена контракта определяется как равновесная, на пересечении кривых предложения и спроса, при наличии конкуренции среди продавцов и покупателей. Применительно к государственному управлению подобный идеальный тип предполагает возможность выбора покупателем – гражданином – между различными ценовыми предложениями одной услуги, исходящими от продавцов – государственных служащих. Продавцы же могут сегментировать рынок покупателей в соответствии с качеством предоставляемых услуг и ценовыми предпочтениями. В реальных же условиях коррупционный рынок будет тяготеть к одной из двух моделей: рынку продавца или рынку покупателя.

Рынок продавца предполагает, что спрос на заключение коррупционного контракта превышает предложение, и цену контракта устанавливает продавец. Функционирование этих рынков описывается моделью Стиглера-Пелцмана [Stigler 1971; Peltzman 1976], полагающей государственное регулирование конкретной отрасли результатом действий максимизирующих собственную полезность групп интересов, убедивших государство использовать право на легитимное насилие. Государство и его представители действуют рационально: в целях поддержания собственной легитимности поставляют победившим в конкурентной борьбе группам благоприятствующее им законодательство [Васильева 2012].

Рынки продавца, из-за ограниченного количества государственных служащих, развиваются экстенсивно ("вширь"), увеличиваясь в объеме за счет

роста цены контракта и количества сделок, приходящихся на одного чиновника. Следовательно, ограничение данных рынков связано, с одной стороны, с уменьшением спроса; а с другой – с резким повышением цены контракта за счет жесткого регулирования предложения. Уменьшение спроса на коррупционные услуги является следствием дебюрократизации и снижения административных барьеров. Усиление регулирования предложения происходит путем внедрения моделей регулирования конфликта интересов на госслужбе, ориентированных на подчинение правилам (*compliance-based*), вкупе с ужесточением уголовного преследования обеих сторон коррупционной сделки.

Рынок покупателя, напротив, формируется по границе цены спроса, так как предложение коррупционных контрактов на таком рынке превышает спрос на них. Функционирование таких рынков описывается моделями, предлагаемыми в исследованиях Всемирного банка. Экономические агенты влияют на регулирование общественных отношений с целью получения собственной выгоды: "Способность фирм формировать или воздействовать на формирование базовых правил игры (включая законы, нормативные правовые акты, решения) с помощью частных платежей публичным должностным лицам и политикам" [Hellmann et al. 2000].

Рынки покупателя развиваются интенсивным образом ("вглубь"), увеличиваясь в объеме за счет роста спроса на постоянно диверсифицирующееся предложение коррупции. Регулирование таких рынков связано с долгосрочным ограничением предложения за счет создания корпоративной культуры, основанной на профессиональной этике (*integrity-based*), создающей нетерпимое отношение к коррупции и поддерживающейся за счет ужесточения найма и оценки государственных служащих.

Таким образом, тип коррупционного рынка определяет портфель мер регулирования конфликта интересов на государственной службе, потенциально способных минимизировать коррупционное поведение. Это ставит перед нами проблему выявления факторов, влияющих на тип коррупционного рынка в государстве. Предлагаемое авторами решение базируется на двух концептуальных предпосылках: неоинституциональной методологии и теории "*good enough governance*" [Grindle 2007].

Первая сосредотачивается на механизмах формирования и устойчивости "правил игры" в государственном управлении. Вторая позволяет трактовать борьбу с коррупционным поведением как плюрально организованное явление, эффективность которого напрямую зависит от тактических задач, стоящих перед государственным управлением в целом. Тактические задачи государственного управления в свою очередь задаются типом системы, т.е. при персонифицированных недемократических режимах эффективные формы борьбы с коррупционным поведением будут связаны не с вовлечением граждан в управление (так наз. *citizen engagement*), а с централизованным контролем разрастания патронажной сети. В конкурентных институализированных режимах коррупция не будет острой проблемой, а основными мерами будут внедрение этических стандартов и повышение прозрачности государственной службы.

На базе этих концептуальных предпосылок выделяются две группы факторов, формирующих коррупционные рынки: "ближнее" и "дальнее" окружение. Под "ближним окружением" понимаются факторы, непосредственно влияющие на объем коррупционного рынка, определяющие количество и доми-

нирующий тип совершаемых коррупционных сделок. "Дальнее окружение", разделяемое авторами на внутреннее и внешнее, включает в себя факторы, влияние которых на коррупционный рынок опосредовано "ближним окружением". Внутренние факторы – это политический режим [Geddes, Wright, Frantz 2014; Slater 2003; Cheibub, Gandhi, Vreeland 2010; Kailitz 2013]; ценности правящей элиты; тип систем государственного управления, подотчетности и систем представительства интересов; экономическая состоятельность государства; государственная состоятельность (*state capacity*); устойчивость политической системы; социальная стабильность. Внешние факторы дальнего окружения коррупционных рынков связаны с нормами международного права, деятельностью организаций глобального гражданского общества, отдельных государств и мировых режимов; стандартами государственного управления (*WGI*) и доминированием неолиберальных ценностей в мировой политике.

В качестве ключевых факторов "ближнего окружения" рассматриваются следующие критерии:

- Качество институтов (КИ).
- Охват государственного регулирования (ОР).
- Степень государственного регулирования (СР).

Под качеством институтов понимается установление и соблюдение единых для всех "правил игры" в общественной жизни, регулируемой государством[4] [Acemoglu, Johnson 2005; Acemoglu, Robinson 2012].

В условиях качественных институтов спрос на коррупционные сделки будет невысоким, но возможно наличие коррупционного предложения со стороны занимающихся поиском ренты чиновников с дискреционными полномочиями: объем коррупционного рынка будет небольшим, а коррупционная сделка будет связана с избирательным правоприменением.

При некачественных институтах (извлекающие институты или порядки ограниченного доступа) происходит замещение формальных институтов патронажными сетями [Acemoglu, Robinson 2012; Норт, Вайнгаст, Уоллис 2011]. Такие институты устанавливают "правила игры", обеспечивающие лояльным группам привилегированный доступ к общественным ресурсам и ведущие в долгосрочной перспективе к радикальному снижению уровня общественного доверия, а в конечном итоге – к деградации общественной системы. Функционирование коррупционных рынков поддерживается необходимостью граждан и организаций реализовывать собственные интересы исключительно через доступ к патронажной сети. Тем самым возникает рынок продавца со значительным потенциалом роста.

Под охватом регулирования понимается количество областей общественной жизни, в которых государство перераспределяет ресурсы [Buehn, Schneider 2009].

Максимальный ОР предполагает возникновение многочисленных точек предложения коррупции. Объем коррупционного рынка увеличивается в связи с двумя факторами: увеличением предложения коррупционных сделок за счет разрастания бюрократического аппарата и ростом среднего размера взятки за счет увеличения государственных пошлин и сборов, призванных компенсировать

[4] См. Acemoglu D. 2012. Institutions, Political Economy and Growth. – *Nobel prize 2012 p.esentations*. URL: http://www-2.iies.su.se/Nobel2012/Presentations/Acemoglu.pdf (accessed 03.01.2015).

увеличивающиеся расходы на содержание разрастающегося бюрократического аппарата. Формируется рынок покупателя, определяющийся наличием большого числа государственных служащих, потенциально вовлеченных в поиск ренты.

Минимальный ОР связан с уменьшением спроса и предложения коррупционных сделок на уровне взаимодействия государство – граждане, а также с ростом спроса со стороны организаций и групп интересов на форматирование конкуренции с помощью государственного регулирования [Peltzman 1971]. Таким образом, минимальный ОР ведет к формированию рынка продавца в сфере коррупционных сделок административного типа.

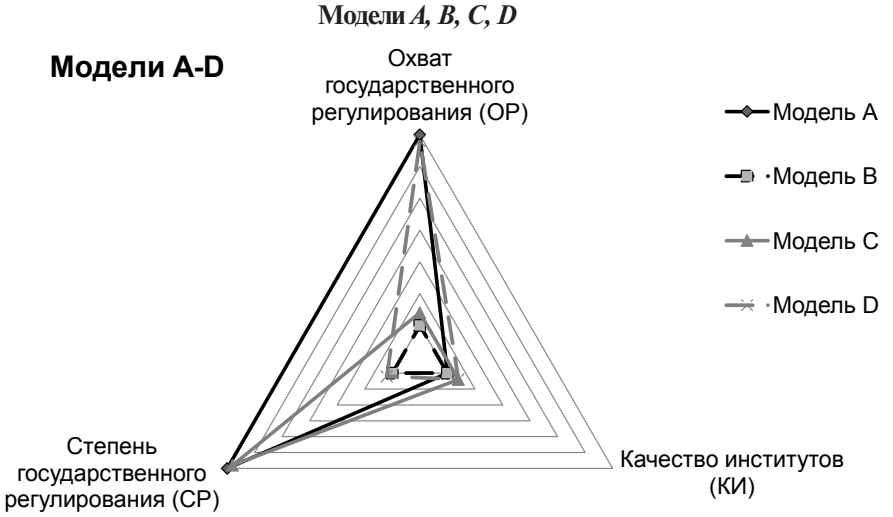
Степень государственного регулирования (СР) понимается как количество и уровень спецификации "правил игры", устанавливаемых государством [Banerjee 1997].

При максимальной СР происходит рост административных барьеров, что повышает спрос на их преодоление при относительно неизменном предложении коррупционных сделок. Бюрократы могут специально увеличивать СР с целью максимизации извлекаемых доходов [ibidem]. При максимальной СР формируется рынок продавца, который может касаться как исключительно административных, так и административно-бытовых сделок.

При минимальной СР коррупционное поведение связано с широкими дискреционными полномочиями государственных служащих, не ограниченных в своих действиях специфицированными административными и должностными регламентами. Данные полномочия порождают рентоориентированное поведение бюрократов и превышение предложения коррупционных сделок над спросом – формируется рынок покупателя.

Сочетание состояний каждого из трех факторов дает возможность оценивать коррупционные рынки в рамках следующих 8 моделей (см. рис. 1, 2).

Рисунок 1

Модель *A*: Некачественные институты, максимальный ОР, максимальная СР. В модели действуют патронажные сети, которые при высокой степени регулирования в максимальном количестве сфер провоцируют массовый спрос

на коррупционные сделки, совершаемые с целью решения любых задач и реализации любых интересов в отсутствии единых, однозначных и ясных "правил игры". Коррупционный рынок является системным. Пример – Советский Союз, начиная с брежневского периода, когда система номенклатуры обрела свой окончательный вид [Shlapentokh 2013].

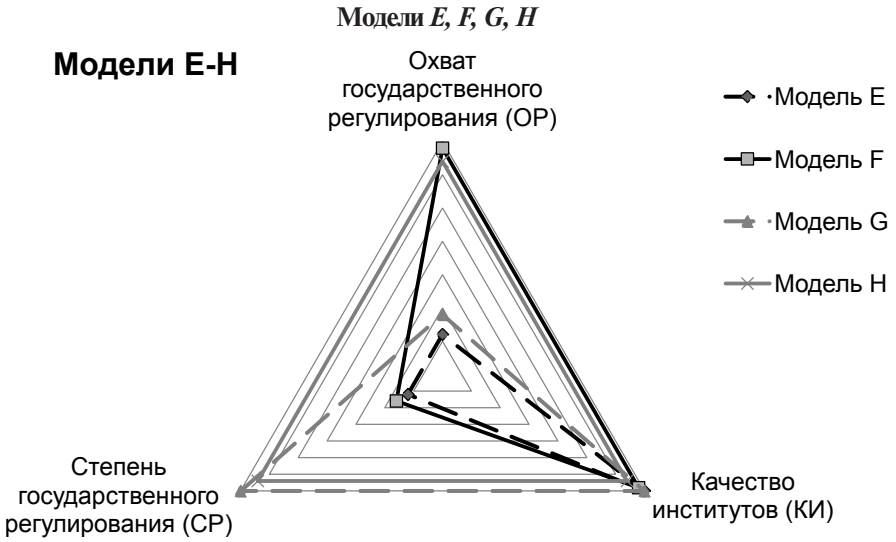
Модель *B*: Низкое КИ, минимальный ОР, минимальная СР. Эта модель формируется при высокой неопределенности процедур и "правил игры", низкой степени централизации, слабой государственной власти как результата неудачных и незавершенных демократических транзитов, распадов государств и возникновения новых форм государственности "с чистого листа" [Melville et al. 2013]. Модель характеризует рынки "хрупких государств" [Rotberg 2003]. Рынок формируется за счет широких дискреционных полномочий небольшого государственного аппарата при масштабном запросе организаций на формирование и изменение "правил игры". В силу неопределенности "правил игры" и общей недостаточности регулирования основной коррупционный запрос приходится на области политических и административных коррупционных сделок. Рынок *B* – рынок покупателя в политической и административной сфере. Примерами такой модели могут служить Либерия [Johnson 2010] и Замбия [Haglund 2008].

Модель *C*: некачественные институты, минимальный ОР, максимальная СР. Эта модель представлена странами "тонкой государственности" [Melville et al. 2013], в которых важные для групп интересов области регулируются максимально, тогда как остальные области, не представляющие возможностей извлечения ренты для чиновников, остаются неохваченными, либо степень их регулирования минимальна. Коррупционные рынки существуют в виде скупки государства бизнесом как через нелегальные практики [Hellmann et al. 2000], так и через нерегулируемые "вращающиеся двери". Рынок характеризуется как рынок продавца в регулируемых отраслях, и покупателя – в нерегулируемых. В регулируемых отраслях покупатели коррупционных контрактов тяготеют к сращиванию с продавцами [Crain, McCormick 1990]. Примером модели является Румыния 2004 г.

Модель *D*: некачественные институты, максимальный ОР, минимальная СР. Эта модель формируется в условиях незавершенного демократического транзита в странах с сильными традициями социального государства. Коррупционный рынок характеризуется одновременно высоким спросом и предложением. В таких странах при слабом государстве может происходить захват государства бизнесом и последующая криминализация коррупционного рынка, например, в Грузии периода президентства Э.А. Шеварднадзе [Jakopovich 2007].

Модель *E*: качественные институты, минимальный ОР, минимальная СР. Это постколониальный опыт преимущественно британских колоний, унаследовавших немногочисленные качественные институты [Acemoglu, Robinson 2012]. При наличии исключительно "рамочного" регулирования в качественных институтах коррупционное поведение проявляется в административном сегменте рынка – в виде контрактов на спецификацию регулирования. Эта модель – рынок продавца. Примерами выступают постколониальный Сингапур, Гонконг, Южная Корея после Корейской войны. Следует отметить, что именно в таких коррупционных рынках модели регулирования конфликта интересов, ориентированные на подчинение правилам (*compliance-based*), показали наибольшую эффективность [Maesschalck 2004].

Рисунок 2

Модель *F*: качественные институты, максимальный ОР, минимальная СР. Модель предполагает массовый доступ к коррупционным сделкам по низкой цене. Чиновников, пользующихся в большом количестве областей регулирования дискреционными полномочиями, много; при качественных институтах, дающих равный доступ к ресурсам и без коррупционных контрактов, спрос на коррупцию невысок, что формирует рынок покупателя. Примеры – Италия и Бразилия[5].

Модель *G*: качественные институты, минимальный ОР, максимальная СР. Эта модель представлена странами "полной государственности" [Melville et al. 2013] и является воплощением либеральных идеалов минимального государства. Коррупционный рынок покупателя в этой модели незначителен и сводится к разовому спросу на неприменение существующего административного регулирования. Примерами такой модели являются США (до президентства Обамы), Австралия, Канада[6]. Данный тип рынка создает благоприятные условия для применения модели регулирования конфликта интересов на государственной службе, основанной на профессиональной культуре (*integrity-based*).

Модель *H*: качественные институты, максимальный ОР, максимальная СР. Данный случай является воплощением идеалов веберовской рациональной бюрократии и обычно относится к континентальным моделям государственной службы. Коррупционный рынок здесь также незначителен и характеризуется как рынок покупателя. Примерами подобной модели могут быть ФРГ, Франция.

Трансформация коррупционных рынков

Выявленные модели коррупционных рынков подвержены изменениям за счет флуктуации форм коррупции. В связи с глобализацией коррупционной проблематики и принятием международных конвенций по противодействию

[5] *Transparency International. Corruption Perceptions Index (1995-2014)*. 2014. URL: http://www.transparency.org/research/cpi/overview/ (accessed 03.01.2015).

[6] *Transparency International. Corruption Perceptions Index (1995-2014)*. 2014. URL: http://www.transparency.org/research/cpi/overview/ (accessed 03.01.2015).

коррупции, формы коррупции начинают меняться в зависимости от принимаемых мер и национального контекста. Так, криминализация активной и пассивной коррупции приводит к трансформации каналов коррупционного поведения в сторону получения отложенной выгоды, как в случае с "правилом зубочистки" [Ариели 2012: 225-226] в среде лоббистов в США.

Поэтому изменения могут происходить по каждой из трех осей независимо или одновременно. В итоге формируется 7 направлений трансформации коррупционных рынков.

Идеальная антикоррупционная реформа государственного управления подразумевает рост качества институтов с одновременным увеличением степени регулирования. В этом случае модель *B* трансформируется в модель *G*. Например, трансформация коррупционного рынка США от Джорджа Вашингтона до Франклина Делано Рузвельта [Печатнов 2008]. Изменение модели *D* в модель *H* демонстрируют посткоммунистическая Чехия и ГДР [Политические системы... 2009: 151-170, 571-583].

Другим идеальным вариантом реформы может быть трансформация модели *B* в модель *H* за счет радикального роста по всем трем выделенным осям. Такая трансформация возможна лишь в исторической перспективе и только при условии прохождения через промежуточные модели. Примером является история развития государственности в США от первых поселенцев Джеймстауна до реформ Б. Обамы.

Остальные модели изменения коррупционных рынков связаны с воздействием нескольких ключевых факторов, не имеющих выраженного негативного или позитивного характера. Исключением является повышение качества институтов, всегда сокращающее коррупцию. В этом случае модель *B* трансформируется в модель *E*. Примером выступает начальный период трансформации Польши в 1980-х годах после прихода Л. Валенсы. Модель *A* трансформируется в модель *H*, что характеризует Великобританию эпохи Реставрации [Acemoglu, Robinson 2012]. Модель *C* – в модель *G* [Melville et al. 2013]; а модель *D* – в модель *F*. Данную динамику иллюстрируют режимные трансформации в странах Латинской Америки и Восточной Европы, получавших кредиты от МВФ в рамках "Вашингтонского консенсуса" [Gore 2000].

Ухудшение качества институтов за счет персонализации правления всегда способствует разрастанию коррупционных рынков, поскольку на смену общим "правилам игры" приходят патронажные сети.

К другим факторам, определяющим динамику роста или уменьшения коррупционных рынков, можно отнести следующие:

- "Государство всеобщего благоденствия" (рост охвата регулирования).
- Персонализация правления (снижение качества институтов).
- Реформы *NPM* (*New Public Management*) (снижение охвата при росте степени регулирования).
- Популизм и формирование государств-рантье (рост охвата при снижении степени регулирования).
- Изменение степени регулирования (зависит от экономических возможностей государства расширять или поддерживать функционирование аппарата государственного управления).
- Рост качества институтов и охвата регулирования (эволюция правового государства в социальное).
- Рост охвата регулирования и степени регулирования (создание социальных государств веберовского типа).

Перечисленные факторы действуют опосредованно, через "дальнее окружение".

Расширение социальной политики, создание государств "всеобщего благоденствия" максимизируют охват регулирования. В моделях происходят следующие трансформации (см. табл. 1).

Таблица 1

Трансформация	Характеристика
Модель *B* в модель *D*	OP увеличивается, а CP и КИ остаются низкими. За счет централизации политической власти и использования государственного аппарата для извлечения ренты происходит укрепление хрупких государств. Пример – патримониальные государства Тропической Африки с централизованным аппаратом государственного принуждения, в которых после деколонизации к власти пришли элиты с сильной коммунитарной (социальной) идентичностью, в первую очередь, этнической [Erdmann 2013].
Модель *C* в модель *A*	OP увеличивается, CP остается высокой, а КИ – низким. Бюрократы, нацеленные на поиск ренты, получают доступ к прежде не регулируемым государством областям. Коррупционный рынок разрастается за счет повышенного спроса и предложения коррупции. Россия прошла такую трансформацию за период президентств Путина [Марьин-Островский 2008].
Модель *E* в модель *F*	OP увеличивается, CP остается низкой, а КИ – высоким. Рост политической и административной коррупции, как в случае непотизма в Южной Корее, характеризовавшего тесную связь между правительством и крупнейшими из чеболи [Kang 2002].
Модель *G* в модель *H*	OP увеличивается, CP и КИ остаются высокими. Колебания коррупционного рынка в США в результате изменения неоконсервативной политики на социально ориентированную в рамках президентства Б. Обамы.

Персонализация правления стремительно ухудшает качество институтов, заменяя формальные институты неформальными патронажными системами или "мелкотравчатыми диктатурами" (*tin-pot dictatorships*) [Wintrobe 1990]. Под влиянием этого фактора происходят следующие трансформации (см. табл. 2).

Таблица 2

Трансформация	Характеристика
Модель *E* в модель *B*	КИ ухудшается, OP и CP остаются низкими. Резкое снижение и без того небольшой государственной состоятельности (state capacity) приводит к распаду государственности и дальнейшей государственной несостоятельности (failed state). Пример – эрозия колониального институционального наследия, а затем распад институтов в ЦАР периода Ж.-Б. Бокассы [Ndulu, O'Connell 1999].
Модель *G* в модель *C*	КИ ухудшается, OP остается низким, а CP – высокой. Оккупация государства и функционирование в нем коллаборационистского правительства [Paxton 2001], например, формально нейтральный, но де-факто поддерживающий фашистскую Германию режим Виши во Франции.
Модель *F* в модель *D*	КИ ухудшается, OP остается высоким, CP – низкой. "Проблемная траектория" трансформаций посткоммунистических государств с автократической тенденцией, например, Армении или Азербайджана [Политические системы… 2009: 22-35, 53-69].
Модель *H* в модель *A*	КИ ухудшается, OP и CP остаются высокими. Это деформация государств свободного доступа и превращение их в государства ограниченного доступа. Пример – откат государств первой или второй волны демократизации, например, Греции. При существующей развитой (восстановленной до довоенного уровня) системе регулирования выстраивались институты ограниченного доступа [там же: 171-181].

Сокращение СР расширяет дискреционные полномочия чиновников, предложение коррупции и объем коррупционных рынков. Повышение СР оказывает обратный эффект и приводит к следующим трансформациям (см. табл. 3).

Таблица 3

Трансформация	Характеристика
Модель *F* в модель *H*	СР возрастает, КИ и ОР остаются максимальными. Прежде демократические государства в процессе послевоенного восстановления, например, Великобритания.
Модель *B* в модель *C*	СР возрастает, КИ и ОР остаются низкими. Примерами являются "новые нации", возникающие при поддержке экономических групп интересов. Южный Судан, чье государственное регулирование с обретения независимости в 2011 г. концентрируется в отрасли нефтедобычи [Pedersen, Bazilian 2014].
Модель *E* в модель *G*	СР возрастает, ОР остается низким, а КИ – высоким. Период демократизации ЮАР после отмены апартеида сопровождался как повышением прозрачности государственного управления и снижением спроса на бытовую коррупцию, так и ростом степени регулирования отдельных отраслей и предложения административной и политической коррупции в них [Habib, Padayachee 2000].
Модель *D* в модель *A*	СР возрастает, КИ остается низким, а ОР – широким. Попытки изначально "большого государства" максимизировать извлекаемую административную ренту по мере замедления экономического роста или прекращения доступа к иным источникам поддержания патронажных сетей. Примером может служить динамика режима А. Лукашенко [Duvanova 2014].

Минимизация СР приводит к возникновению нестабильных форм управления, росту неопределенности и расширению коррупционных рынков [Thornhill 2013]. В частности, происходят трансформации (см. табл. 4).

Таблица 4

Трансформация	Характеристика
Модель *A* в модель *D*	СР сокращается, ОР остается широким, а КИ – малым. Балканизация или распад патронажных федераций по этническим границам ведет к преемственности некачественных институтов и значительного охвата регулирования в новых государствах, население которых заинтересовано не в консолидации электоральной демократии, а в стабилизации государственного аппарата, способного производить государственные услуги в привычном объеме [Džihić, Segert 2012]. При этом в период адаптации законодательства новым государством СР сокращается. Примером является распад Югославии и проблемы переходных режимов в Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговине.
Модель *G* в модель *E*	СР сокращается, ОР остается низким, а КИ – высоким. Примеры подобных трансформаций немногочисленны и связаны с временным ограничением качественных институтов в либеральных государствах. С некоторыми исключениями примером является период американской оккупации Японии [Aldous 1997].
Модель *H* в модель *F*	СР сокращается, ОР и КИ остаются высокими. С некоторыми оговорками примером является период до исламской революции 1979 г. в Иране, когда возросшие нефтяные доходы распределялись относительно качественными институтами, чье качество гарантировалось фрагментацией элит [Farzanegan, Bjorvatn, Schneider 2011].
Модель *C* в модель *B*	СР сокращается, ОР и КИ остаются низкими. Переход относительно устойчивых государств с некачественными институтами, извлекающих ренту путем поставки регулирования в наиболее прибыльные отрасли, в хрупкие или несостоявшиеся государства. Подобную динамику в 2013-2014 гг. можно наблюдать на Украине, особенно в ее восточных регионах.

Реформы в духе нового государственного управления (*NPM*), направленные на сокращение государственного регулирования и аппарата, повышение эффективности госслужбы и максимальное упрощение процедур, связаны со снижением охвата регулирования и повышением его степени. Эта динамика может быть оценена как положительная. Трансформация происходит следующим образом (см. табл. 5).

Таблица 5

Трансформация	Характеристика
Модель *D* в модель *C* (или в модель *B*)	Успешные реформы NPM сокращают ОР и повышают СР, хотя КИ остается низким. Эффективные реформы трансформируют модель D в C. Провалившиеся реформы NPM не сокращают ОР, но уменьшают СР и КИ, и превращают модель D в B. Пример – реформы государственного аппарата в Мозамбике, где сокращение ренты привело к потере управляемости [Lewitsky, Way 2012].
Модель *H* в модель *G*	ОР сокращается, СР и КИ остаются высокими. Сокращения государственных служащих уменьшают предложение коррупции, а спрос остается низким из-за качественных институтов. Пример – классические реформы "нового государственного управления" в Великобритании [Pyper, Burnham 2011].
Модель *A* в модель *C*	ОР сокращается, СР остается высокой, а КИ – низким. Вынужденное сокращение государственного вмешательства в государствах-рантье, например, политика приватизации в Мексике и развитие экономики Чили [Сонин, Гуриев 2008].

Популизм и формирование государств-рантье приводят к росту ОР (для максимизации извлечения ренты) и снижению СР (для минимизации издержек регулирования [Wintrobe 1990]). Эта динамика приводит к росту коррупционных рынков по следующим траекториям (см. табл. 6).

Таблица 6

Трансформация	Характеристика
Модель *C* в модель *D*	СР сокращается и ОР возрастает, КИ остается низким. Пример – эволюция коррупционных рынков в ДРК, где в результате реформ по минимизации избыточного регулирования вместо консолидации демократии наступил конкурентный авторитаризм [Matti 2010].
Модель *G* в модель *F*	СР сокращается и ОР возрастает, КИ остается высоким. Распад и кризисы президентских систем, слабым местом которых является ярко выраженный дисбаланс полномочий, приводящий к неустойчивости системы.

Более длительными и глобальными процессами, требующими дальнейшего изучения, являются исторические трансформации правового государства в социальное за счет роста КИ и ОР (которые теоретически предполагают трансформации моделей *B* и *C* в *F* и *H* соответственно), а также создание социальных государств веберовского типа за счет роста ОР и СР. Эта трансформация предполагает изменение модели государственного управления и эволюцию коррупционных рынков из *B* в *A*, а из *E* в *H*. Исследование примеров подобного рода остается за рамками настоящей работы в силу ограничений объема.

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод о наличии трех факторов, заметно увеличивающих объемы рынков. В порядке убывания ими являются: персонализация власти; популизм и государства-рантье; государства всеобщего благосостояния.

Уменьшение объема коррупционных рынков связано с повышением качества институтов, и, в меньшей степени, административными реформами в духе нового государственного управления и максимизацией степени регулирования.

В целом следует отметить, что эффективными, т.е. позволяющими минимизировать коррупционные рынки, являются только модели, базирующиеся на качественных институтах – *E, F, G, H*. Именно в них возможно успешное применение соответствующей типу коррупционного рынка модели регулирования конфликта интересов. Данные модели обычно являются образцами импортируемого "иностранного опыта борьбы с коррупцией".

Однако подобная адаптация успешного опыта имеет крайне низкий КПД для государств моделей *A, B, C* и *D*, чьи коррупционные рынки опираются на патронажные системы государственного управления. Борьба с коррупцией в этих государствах не может носить системного характера из-за угрозы потери управляемости в случае прекращения существования патронажной сети. Внедрение системных моделей регулирования конфликта интересов в этих моделях также может приводить к росту цены коррупционного контракта (в случае, если это был рынок покупателя) или расширению предложения коррупционных сделок (если это был рынок продавца). Такие изменения нивелируют положительный эффект от сокращения предложения коррупционных контрактов (для рынка покупателя) или понижения цены контракта (для рынка продавца). Иными словами, противодействие коррупции для таких государств сосредотачивается в области минимизации предложения, а не спроса, поскольку многочисленное предложение приводит к чрезмерному расширению патронажной сети и падению управляемости вплоть до распада государства.

Для коррупционных рынков типа *A, B, C, D* приемлемым вариантом регулирования коррупции являются оперативные решения, не противоречащие остальным политическим и управленческим целям режима. Подобное регулирование обычно сводится к быстродействующим мерам, обеспечивающим централизованное принуждение к исполнению правил за счет создания института внутреннего аудита системы. В случае, если этот институт создается в сжатые сроки и опирается на мощную политическую поддержку, противодействие коррупции может стать эффективным и в среднесрочной перспективе. С укоренением профессиональной культуры в контролирующем институте происходит постепенный выход из эффекта колеи за счет замещения старых, поддерживавших коррупционное поведение патронажных практик новым, более эффективным институтом государственной службы, основанным на принципах меритократии.

Ариели Д. 2012. *Поведенческая экономика. Почему люди ведут себя иррационально и как заработать на этом*. М.: Манн, Иванов и Фербер. 296 с.

Васильева В. 2012. Лоббизм: проблемы теоретической интерпретации. – *Мир и политика*. № 1 (64). Доступ: http://mir-politika.ru/113-lobbizm-problemy-teoreticheskoy-interpretacii.html (проверено 03.01.2015).

Марьин-Островский А. 2008. Трансформация института собственности в современной России. – *Трансформация "политического" и социальные институты в современной России*: Сборник статей аспирантов факультетов прикладной политологии и социологии ГУ-ВШЭ. М.: ГУ-ВШЭ. С. 88-104.

Норт Д., Вайнгаст Б., Уоллис Дж. 2011. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Издательство Института Гайдара. 480 с.

Печатнов В. 2008. *От Джефферсона до Клинтона. Демократическая партия США в борьбе за избирателя*. М.: Наука. 504 с.

Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник: в 4-х тт. 2009. (Отв. ред. М.Г. Миронюк, под общ. ред. А.В. Торкунова, науч. ред. А.Ю. Мельвиль). Т. 1: Европа. М.: Аспект Пресс. 616 с.

Сонин К., Гуриев С. 2008. Экономика "ресурсного проклятия". – *Вопросы экономики*. № 4. С. 61-74.

Acemoglu D., Johnson S. 2005. Unbundling Institutions. – *Journal of Political Economy*. Vol. 113. No. 5. P. 949-995.

Acemoglu D., Robinson J. 2012. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty.* 1st ed. N.Y.: Crown. 545 p.

Aldous C. 1997. *Police in Occupation Japan: Control, Corruption and Resistance to Reform*. N.Y.: Routledge. 325 p.

Banerjee A. 1997. Theory of Misgovernance. – *The Quarterly Journal of Economics*. No. 112 (4). P. 1289-1332.

Buehn A., Schneider F. 2009. *Corruption and the Shadow Economy: A Structural Equation Model Approach*. IZA, Discussion Paper No. 4182. URL: http://131.220.86.34/dp4182.pdf (accessed 03.01.2015).

Cheibub J., Gandhi J., Vreeland J. 2010. Democracy and Dictatorship Revisited. – *Public Choice*. Vol. 143. P. 67-101.

Crain W., McCormick R. 1990. Regulators as an Interest Group. – J.M. Buchanan, R.D. Tollison (eds.). *The Theory of Public Choice.* P. 287-304. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Duvanova D. 2014. Economic Regulations, Red Tape, and Bureaucratic Corruption in Post-Communist Economies. – *World Development*. Vol. 59. P. 298-312.

Džihić V., Segert D. 2012. Lessons from "Post-Yugoslav" Democratization. Functional Problems of Stateness and the Limits of Democracy. – *East European Politics & Societies*. Vol. 26. No. 2. P. 239-253.

Erdmann G. 2013. Neopatrimonialism and Political Regimes. – *Routledge Handbook of African Politics*. P. 59-69.

Farzanegan M., Bjorvatn K., Schneider F. 2011. Oil Revenues, Political Power, and Economic Growth in Iran: Theory and Evidence. – *EPCS 2011*. URL: http://www.relooney.info/SI_Peter-Iran/Iran-Oil-Rents_4.pdf (accessed 03.01.2015).

Geddes B., Wright J., Frantz E. 2014. Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set. – *Perspectives on Politics*. Vol. 12. No. 2. P. 313-331.

Gong T., Zhou N. 2014.Corruption and Marketization: Formal and Informal Rules in Chinese Public Procurement. – *Regulation and Governance*. URL: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/rego.12054/full (accessed 03.01.2015).

Gore C. 2000. The Rise and Fall of the Washington Consensus as a Paradigm for Developing Countries. – *World Development*. Vol. 28. No. 5. P. 789-804.

Grindle M. 2007. Good Enough Governance Revisited. – *Development Policy Review*. No. 25 (5). P. 553-574.

Habib A., Padayachee V. 2000. Economic Policy and Power Relations in South Africa's Transition to Democracy. – *World Development*. Vol. 28. No. 2. P. 245-263.

Haglund D. 2008.Regulating FDI in Weak African States: a Case Study of Chinese Cooper Mining in Zambia. – *The Journal of Modern African Studies*. Vol. 46. No. 4. P. 547-575.

Heidenheimer A. 1989. Perspectives on the Perception of Corruption. – *Political Corruption: A Handbook*. New Brunswick: Transaction Publishers. P. 149-163.

Hellmann J., Kaufmann D., Jones G. 2000. *Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition*. URL: http://elibrary.worldbank.org/doi/book/10.1596/1813-9450-2444 (accessed 03.01.2015).

Jakopovich D. 2007. The 2003 "Rose Revolution" in Georgia: A Case Study in High Politics and Rank-and-File Execution. – *Debatte: Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*. Vol. 15. No. 2. P. 211-220.

Johnson T. 2010. *A Critical Examination of Firestone's Operations in Liberia: A Case Study Approach*. Bloomington: AuthorHouse. 136 p.

Kailitz S. 2013. Classifying Political Regimes Revisited: Legitimation and Durability. – *Democratization*. Vol. 20. No. 1. P. 39-60.

Kang D. 2002. *Crony Capitalism: Corruption and Development in South Korea and the Philippines*. N.Y.: Cambridge University Press. 203 p.

Kugler M., Verdier T., Zenou Y. 2005. Organized Crime, Corruption and Punishment. – *Journal of Public Economics*. Vol. 89. No. 9-10. P. 1639-1663.

Levitsky S., Way L. 2012. Beyond Patronage: Violent Struggle, Ruling Party Cohesion, and Authoritarian Durability. – *Perspectives on Politics*. Vol. 10. No. 4. P. 869-889.

Maesschalck J. 2004. Approaches to Ethics Management in the Public Sector. A Proposed Extension of the Compliance-Integrity Continuum. – *Public Integrity*. Vol. 7. No. 1. P. 20-41.

Matti S. 2010. The Democratic Republic of the Congo? Corruption, Patronage, and Competitive Authoritarianism in the DRC. – *Africa Today*. Vol. 56. No. 4. P. 42-61.

Melville A., Stukal D., Mironyuk M. 2013. Trajectories of Regime Transformation and Types of Stateness in Post-communist Countries. – *Perspectives on European Politics and Society*. Vol. 14. No. 4. P. 431-459.

Menzel D. 2012. *Ethics Management for Public Administrators. Leading and Building Organizations of Integrity*. 2nd ed. N.Y.: M.E. Sharpe. P. 37-41.

Ndulu B., O'Connell S. 1999. Governance and Growth in Sub-Saharan Africa. – *The Journal of Economic Perspectives*. Vol. 13. No. 3. P. 41-66.

Okada K, Sovannroeun S. 2014. How Does Corruption Influence the Effect of Foreign Direct Investment on Economic Growth. – *Global Economic Review: Perspectives on East Asian Economies and Industries*. Vol. 43. No. 3. P. 207-220.

Paxton R. 2001. *Vichy France: Old Guard and New Order*. N.Y.: Columbia University Press. 415 p.

Pedersen A., Bazilian M. 2014. Considering the Impact of Oil Politics on Nation Building in the Republic of South Sudan. – *The Extractive Industries and Society*. Vol. 1. No. 2. P. 163-175.

Peltzman S. 1976.Toward a More General Theory of Regulation. – *Journal of Law and Economics*. Vol. 19. No. 2. P. 211-240.

Political Corruption in Transition. A Sceptic's Handbook. 2002 (ed. by S. Kotkin, A. Sajo). Budapest-N.Y.: CEU Press. 493 p.

Pyper R., Burnham J. 2011. The British Civil Service: Perspectives on 'Decline' and 'Modernisation'. – *The British Journal of Politics & International Relations*. No. 13. P. 189-205.

Rohr J. 1988. *Ethics for Bureaucrats: An Essay on Law and Values*. 2nd ed. N.Y.: CRC Press. 354 p.

Rose-Ackerman S. 1999. *Corruption and Government. Causes, Consequences and Reform*. N.Y.: Cambridge University Press. 266 p.

Rotberg R. 2003. Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators. – *Failure and State Weakness in a Time of Terror*. Brookings Institution Press. P. 1-25.

Shlapentokh V. 2013. Corruption, the Power of State and Big Business in Soviet and post-Soviet Regimes. – *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 46. No. 1. P. 147-158.

Slater D. 2003. Iron Cage in an Iron Fist. Authoritarian Institutions and the Personalization of Power in Malaysia. – *Comparative Politics*. Vol. 36. No. 1. P. 81-101.

Stigler G.J. 1971.The Theory of Economic Regulation. – *Bell Journal of Economics and Management Science*. Vol. 2. No. 1. P. 3-21.

Thornhill C. 2013. "The African State": an Administrative Dilemma. – A*frican Journal of Public Affairs*. Vol. 6. No. 3. P. 67-79.

Wart M. 2003.Codes of Ethics as Living Documents. – *Public Integrity*. Vol. 5. No. 4. P. 331-346.

Wintrobe R. 1990. The Tinpot and the Totalitarian: An Economic Theory of Dictatorship. – *The American Political Science Review*. Vol. 84. No. 3. P. 849-872.

DOI: 10.17976/jpps/2015.02.06

CORRUPTION MARKETS

V.M. Vasileva[1], A.N. Vorobyev[2]

[1]*National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia*

[2]*National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia*

VASILEVA Varvara Mikhailovna, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Political Science Department, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Russia; Senior Lecturer, Policy Analysis Department, School of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University, Russia. Email: vvasileva@hse.ru**; VOROBYEV Anton Nikolaevich, Research Fellow, Research Scientific Centre for Transport Economics at Institute of Transport Economics and Transport Policy Studies (ITE&TPS), National Research University Higher School of Economics, Russia.** Email: Avorobyev@hse.ru

Received: 07.10.2014. Accepted: 22.12.2014

Abstract. Authors develop a new conceptual approach to the corruption studies and effectiveness of anti-corruption regulations of public service. Basing our hypothesis on the study of effective models of conflict of interest regulation, authors assume that there is a "missing factor" in the modern corruption studies. This "missing factor" is a "corruption market", particularly, its size, type and nature. Conflict of interest regulations' aim at controlling key channels of corruption behavior, and corruption market in its turn determines prevailing channels of existing corruption behavior. Thus, misidentification of corruption market's type is the main reason for the failure of anti-corruption policies, no matter how new and effective models are imported. Corruption market's size is defined as the number and average price of corruption deals. The nature of corruption market depends on the side, setting the final price of corruption deal. Resulting from institutional characteristics of public administration, corruption markets are either seller's or buyer's type. Seller's corruption markets are sensible to the ethic regulations of the public service, and the only effective way of tackling buyer's corruption markets are "cut-red-tape" reforms and compliance-based regulation of conflict of interest. Type of corruption market encompasses 3 dimensions: quality of institutions, scope of regulations and degree of regulations. Basing on the introduced model, authors identify and analyze 8 types of existing corruption markets. Each type of corruption market has its own transformational dynamics and, consequently, own opportunities for anti-corruption policies. A new conceptual model of corruption market evolution is introduced in the article. Transformations of corruption markets depend on several factors. The key factors are personalization of political regime, "new public management" reforms of public administration, populist policies and creation of rentier states, and set up of the Welfare State.

Keywords: corruption market; corruption deal; quality of institutions; scope of regulations; degree of regulations; conflict of interest; public service; patronage networks; seller's market; buyer's market; demand and supply of corruption.

References

Acemoglu D., Johnson S. Unbundling Institutions. – *Journal of Political Economy*. 2005. Vol. 113. No. 5. P. 949-995.

Acemoglu D., Robinson J. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty.* 1st ed. N.Y.: Crown. 2012. 545 p.

Aldous C. *Police in Occupation Japan: Control, Corruption and Resistance to Reform*. N.Y.: Routledge. 1997. 325 p.

Ariely D. Predictably Irrational: The Hidden Forces That Shape Our Decisions. (Russ. ed.: Ariely D. *Povedencheskaya ekonomika. Pochemu lyudi vedut sebya irratsional'no i kak zarabotat' na etom*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. 2012. 296 p.)

Banerjee A. Theory of Misgovernance. – *The Quarterly Journal of Economics*. 1997. No. 112 (4). P. 1289-1332.

Buehn A., Schneider F. *Corruption and the Shadow Economy: A Structural Equation Model Approach*. IZA, Discussion Paper No. 4182. 2009. URL: http://131.220.86.34/dp4182.pdf (accessed 03.01.2015)

Cheibub J., Gandhi J., Vreeland J. Democracy and Dictatorship Revisited. – *Public Choice*. 2010. Vol. 143. P. 67-101.

Crain W., McCormick R. Regulators as an Interest Group. – J.M. Buchanan, R.D. Tollison (eds.). *The Theory of Public Choice.* 1990. P. 287-304. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Duvanova D. Economic Regulations, Red Tape, and Bureaucratic Corruption in Post-Communist Economies. – *World Development*. 2014. Vol. 59. P. 298-312.

Džihić V., Segert D. Lessons from "Post-Yugoslav" Democratization. Functional Problems of Stateness and the Limits of Democracy. – *East European Politics & Societies*. 2012. Vol. 26. No. 2. P. 239-253.

Erdmann G. Neopatrimonialism and Political Regimes. – *Routledge Handbook of African Politics.* 2013. P. 59-69.

Farzanegan M., Bjorvatn K., Schneider F. Oil Revenues, Political Power, and Economic Growth in Iran: Theory and Evidence. – *EPCS 2011.* URL: http://www.relooney.info/SI_Peter-Iran/Iran-Oil-Rents_4.pdf (accessed 03.01.2015).

Geddes B., Wright J., Frantz E. Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set. – *Perspectives on Politics.* 2014. Vol. 12. No. 2. P. 313-331.

Gong T., Zhou N. Corruption and Marketization: Formal and Informal Rules in Chinese Public Procurement. – *Regulation and Governance*. 2014. URL: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/rego.12054/full (accessed 03.01.2015).

Gore C. The Rise and Fall of the Washington Consensus as a Paradigm for Developing Countries. – *World Development*. 2000. Vol. 28. No. 5. P. 789-804.

Grindle M. Good Enough Governance Revisited. – *Development Policy Review.* 2007. No. 25 (5). P. 553-574.

Habib A., Padayachee V. Economic Policy and Power Relations in South Africa's Transition to Democracy. – *World Development*. 2000. Vol. 28. No. 2. P. 245-263.

Haglund D. Regulating FDI in Weak African States: a Case Study of Chinese Cooper Mining in Zambia. – *The Journal of Modern African Studies*. 2008. Vol. 46. No. 4. P. 547-575.

Heidenheimer A. Perspectives on the Perception of Corruption. – *Political corruption: A Handbook*. 1989. P. 149-163. New Brunswick: Transaction Publishers.

Hellmann J., Kaufmann D., Jones G. *Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition*. 2000. URL: http://elibrary.worldbank.org/doi/book/10.1596/1813-9450-2444 (accessed 03.01.2015).

Jakopovich D. The 2003 "Rose Revolution" in Georgia: A Case Study in High Politics and Rank-and-File Execution. – *Debatte: Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*. 2007. Vol. 15. No. 2. P. 211-220.

Johnson T. *A Critical Examination of Firestone's Operations in Liberia: A Case Study Approach*. Bloomington: AuthorHouse. 2010. 136 p.

Kailitz S. Classifying Political Regimes Revisited: Legitimation and Durability. – *Democratization*. 2013. Vol. 20. No. 1. P. 39-60.

Kang D. *Crony Capitalism: Corruption and Development in South Korea and the Philippines*. N.Y.: Cambridge University Press. 2002. 203 p.

Kugler M., Verdier T., Zenou Y. Organized Crime, Corruption and Punishment. – *Journal of Public Economics*. 2005. Vol. 89. No. 9-10. P. 1639-1663.

Levitsky S., Way L. Beyond Patronage: Violent Struggle, Ruling Party Cohesion, and Authoritarian Durability. – *Perspectives on Politics*. 2012. Vol. 10. No. 4. P. 869-889.

Maesschalck J. Approaches to Ethics Management in the Public Sector. A Proposed Extension of the Compliance-Integrity Continuum. – *Public Integrity*. 2004. Vol. 7. No. 1. P. 20-41.

Marin-Ostrovski A. Transformatsiya instituta sobstvennosti v sovremennoi Rossii [The Transformation of Property Rights in Modern Russia]. – *Transformatsiya "politicheskogo" i sotsial'nye instituty v sovremennoi Rossii: Sbornik statei aspirantov fakul'tetov prikladnoi politologii i sotsiologii GU-VShE* [Transformation of "the Political" and Social Institutions in Modern Russia. Collected articles of doctoral students, departments of applied political science and sociology, NRU HSE]. Moscow. 2008. P. 88-104.

Matti S. The Democratic Republic of the Congo? Corruption, Patronage, and Competitive Authoritarianism in the DRC. – *Africa Today*. 2010. Vol. 56. No. 4. P. 42-61.

Melville A., Stukal D., Mironyuk M. Trajectories of Regime Transformation and Types of Stateness in Post-communist Countries. – *Perspectives on European Politics and Society*. 2013. Vol. 14. No. 4. P. 431-459.

Menzel D. *Ethics Management for Public Administrators. Leading and Building Organizations of Integrity*. 2nd ed. N.Y.: M.E. Sharpe. 2012. P. 37-41.

Ndulu B., O'Connell S. Governance and Growth in Sub-Saharan Africa. – *The Journal of Economic Perspectives*. 1999. Vol. 13. No. 3. P. 41-66.

North D., Weingast B., Wallis J. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History (Russ. ed.: North D., Weingast B., Wallis J. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva*. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaidara. 2011. 480 p.).

Okada K, Sovannroeun S. How Does Corruption Influence the Effect of Foreign Direct Investment on Economic Growth. – *Global Economic Review: Perspectives on East Asian Economies and Industries*. 2014. Vol. 43. No. 3. P. 207-220.

Paxton R. *Vichy France: Old Guard and New Order*. N.Y.: Columbia University Press. 2001. 415 p.

Pechatnov V. Ot Dzheffersona do Klintona. Demokraticheskaya partiya SShA v bor'be za izbiratelya [*From Jefferson to Clinton. The Democratic Party of USA in the Struggle for the Voters]*. Moscow: Nauka. 2008. 504 p.

Pedersen A., Bazilian M. Considering the Impact of Oil Politics on Nation Building in the Republic of South Sudan. – *The Extractive Industries and Society*. 2014. Vol. 1. No. 2. P. 163-175.

Peltzman S. Toward a More General Theory of Regulation. – *Journal of Law and Economics*. 1976. Vol. 19. No. 2. P. 211-240.

Political Corruption in Transition. A Sceptic's Handbook (ed. by S. Kotkin, A. Sajo). Budapest-N.Y.: CEU press. 2002. 493 p.

Politicheskie sistemy sovremennykh gosudarstv: Entsiklopedicheskii spravochnik (otv. red. M.G. Mironyuk, pod obshch. red. A.V. Torkunova, nauch. red. A.Yu. Mel'vil'). T. 1: Evropa [Political Systems of Modern States: Encyclopedia (eds. M. Mironiyuk, A. Torkunov, A. Melville). Vol. 1: Europe]. Moscow: Aspekt Press. 2009. 616 p.

Pyper R., Burnham J. The British Civil Service: Perspectives on 'Decline' and 'Modernisation'. – *The British Journal of Politics & International Relations*. 2011. No. 13. P. 189-205.

Rohr J. *Ethics for Bureaucrats: An Essay on Law and Values*. 2nd ed. N.Y.: CRC Press. 1988. 354 p.

Rose-Ackerman S. *Corruption and Government. Causes, Consequences and Reform*. N.Y.: Cambridge University Press. 1999. 266 p.

Rotberg R. Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators. – *Failure and State Weakness in a Time of Terror*. Brookings Institution Press. 2003. P. 1-25.

Shlapentokh V. Corruption, the Power of State and Big Business in Soviet and post-Soviet Regimes. – *Communist and Post-Communist Studies*. 2013. Vol. 46. No. 1. P. 147-158.

Slater D. Iron Cage in an Iron Fist. Authoritarian Institutions and the Personalization of Power in Malaysia. – *Comparative Politics*. 2003. Vol. 36. No. 1. P. 81-101.

Sonin K., Guriev S. The Economy of "The Resource Curse". – *Voprosy ekonomiki*. 2008. No. 4. P. 61-74. (In Russ.)

Stigler G.J. The Theory of Economic Regulation. – *Bell Journal of Economics and Management Science*. 1971. Vol. 2. No. 1. P. 3-21.

Thornhill C. "The African State": an Administrative Dilemma. – *African Journal of Public Affairs*. 2013. Vol. 6. No. 3. P. 67-79.

Vasileva V. Lobbying: Theoretical Approaches. – *Mir i politika*. 2012. No. 1 (64). URL: http://mir-politika.ru/113-lobbizm-problemy-teoreticheskoy-interpretacii.html (accessed 03.01.2015). (In Russ.)

Wart M. Codes of Ethics as Living Documents. – *Public Integrity*. 2003. Vol. 5. No. 4. P. 331-346.

Wintrobe R. The Tinpot and the Totalitarian: An Economic Theory of Dictatorship. – *The American Political Science Review*. 1990. Vol. 84. No. 3. P. 849-872.